

Ветерана, вышедшего на пенсию, звали Ван Цзин, но в отряде его все называли дядя Ван. Он покинул передовую еще до того, как Мин Хань попал в мобильную группу, и сейчас жил в Лочэне, так что раньше они не встречались. Поскольку дело касалось таинственной зацепки о матери и дочери Чжу, Мин Хань быстро распределил задачи для Сюй Чуаня и немедленно выехал в Лочэн.

Узнав, что Мин Хань уже в пути, Ван Цзин заранее пришел в офисное здание мобильной группы. Цао Цюнь поставил перед ним чашку чая и поддразнил:

— Дядя Ван, неужели вы решили потряхнуть стариной и раскрыть еще одно дело?

До пенсии Ван Цзин был известен в группе как «связующее звено» — он всегда улыбался и мог помирить кого угодно. Но сейчас его лицо было предельно суровым:

— За все эти годы у меня действительно осталось одно дело, которое я так и не смог довести до конца.

Цао Цюнь вздохнул и похлопал его по плечу:

— Подождите немного, Мин Хань вот-вот приедет. Он парень своенравный, но способности у него незаурядные.

Мин Хань пригнал машину к полудню. Как только он вошел, Ван Цзин вскочил:

— У вас есть зацепки по Чжу Линцзюань?

Мин Хань прищурился:

— Чжу Линцзюань?

Цао Цюнь подошел и усадил ветерана обратно:

— Не волнуйтесь так, рассказывайте всё по порядку. Птица, ты тоже садись.

Мин Хань сел и залпом выпил полбутылки воды, поданной напарником. Ван Цзин заговорил первым:

— Сначала ты подробно расскажи мне, что это за дело, которое вы расследуете?

События в Чжуцзюане были слишком запутанными, поэтому Мин Хань изложил лишь ту часть, что касалась Чжу Юймо и Чжу Цяньцян. Он объяснил, что из убийства нынешней «Цзэн Янь» выросли две ветви: во-первых, нынешняя «Цзэн Янь» — подделка; во-вторых, Цзэн Цюнь в молодости совершил немало зла и, возможно, был причастен к исчезновению семьи Чжу, торговавшей холодными закусками. На данном этапе эти линии сошлись на слухе о том, что Чжу Юймо могла работать на наркоторговцев.

По мере рассказа лицо Ван Цзина становилось всё мрачнее, кулаки сжимались. Когда Мин Хань закончил, он спросил:

— Дядя Ван, вы уверены, что женщина по фамилии Чжу, которую мы ищем, — это та самая Чжу Линцзюань?

Ван Цзин долго молчал, тщательно подбирая слова:

— Если это связано с наркотиками, то это определенно она. Но Чжу Линцзюань — лишь псевдоним, который был у нас тогда. Как её зовут на самом деле и есть ли у неё настоящие документы, мы так и не узнали.

История началась более двадцати лет назад. В те времена такие места, как Чжуцзюань или Яфу, были захолустьем, да и столица провинции, Лочэн, заметно отставала в развитии. Бедность стала почвой для преступности: убийства, грабежи и кражи случались ежедневно. В Яфу свирепствовали банды, появились группировки наркоторговцев, постоянно происходили вооруженные стычки, в которых гибло много полицейских. Вскоре хаос из Яфу перекинулся на соседние города, затронув и Чжуцзюань.

В самые страшные времена преступники не боялись открывать огонь днем в людных местах, а детей использовали как курьеров для перевозки товара. Местная полиция не справлялась, и тогда вмешалось областное управление, отправив элитную группу из спецназа и уголовного розыска — прообраз нынешней мобильной группы. Ван Цзин был одним из тех следователей.

Они столкнулись с суровой реальностью: внедриться в среду жестоких и хитрых наркодельцов было почти невозможно. За полгода им удалось ликвидировать лишь мелкие периферийные банды. В Яфу заправляли три крупные силы, и Ван Цзину досталась группировка под названием «Хэйюн» (Черная доблесть). Полиции удалось узнать, что в банде есть женщина по имени Чжу Линцзюань. Официально она была поваром, но на деле — любовницей высокопоставленного члена банды по кличке Чацзы. Она держалась особняком, но имела доступ к верхушке власти.

В борьбе с наркоторговцами не обойтись без агентов и осведомителей. У Ван Цзина был свой круг информаторов, в основном мужчины, но была среди них одна «простая и искренняя» деревенская девушка — Чэнь Цайхуа.

При упоминании этого имени у Мин Ханя екнуло сердце.

Ван Цзин продолжил: Чэнь Цайхуа вовсе не была из деревни. Он спас её в начале своей карьеры, и девушка, мечтавшая бороться со злом, но не имевшая данных для службы в полиции, буквально заставила его взять её осведомительницей. Ей создали новую личность, под которой она торговала холодными закусками. Её мастерство привлекало толпы людей, и она помогла раскрыть немало дел. Когда пришло время сблизиться с поваром Чжу Линцзюань, кандидатура Цайхуа была идеальной. Но она заявила, что хочет взять с собой напарника.

Ван Цзин пришел в ярость: агент не должен раскрывать себя, а она тянет кого-то еще! Этим «кем-то» оказался Цзэн Цюнь. Глядя на этого дерзкого мужчину с разбойничьим лицом, Ван Цзин схватился за голову, но вынужден был признать: Цайхуа отлично научилась разбираться в людях. Цзэн Цюнь не выглядел как «хороший человек», а «хорошие люди» не становятся лучшими информаторами.

К изумлению Ван Цзина, выяснилось, что они с Цайхуа уже закрутили роман.

— Старина Ван, дай нам шанс! — смеясь, говорила она. — Пусть он будет у меня на подхвате. Не смотри на его вид, в душе он за справедливость. Если не веришь ему, поверь мне!

Полиции катастрофически не хватало людей, и после раздумий Ван Цзин принял Цзэн Цюня в команду. В течение следующих нескольких лет Цайхуа и Цзэн Цюнь работали как слаженный механизм, даже успев съездить в Чжуцзюань, чтобы родить ребенка. Полиция постепенно громила банды одну за другой. В окрестностях Яфу преступники исчезли, остатки «Хэйюн» вели отчаянную борьбу.

Но перед самым рассветом Чэнь Цайхуа внезапно пропала со связи. Цзэн Цюнь ворвался к Ван Цзину с ужасной вестью: Чжу Линцзюань раскрыла личность Цайхуа. Разоблаченный осведомитель не имел шансов на жизнь. Ван Цзин немедленно отправил Цзэн Цюня в Чжуцзюань ради его безопасности и начал операцию по спасению, но удалось вернуть лишь холодное, изувеченное тело.

Вскоре полиция окружила «Хэйюн», но Чжу Линцзюань исчезла, словно её и не было. Её любовник Чацзы перед казнью сказал, что она была слишком умна: почуяла неладное и сбежала одна, никто не знал куда.

Наркоторговцы понесли кару, но убийца жены осталась на свободе. Цзэн Цюнь окончательно опустился. Раньше Цайхуа вытащила его из бездны, и его маргинальность была лишь маской агента; теперь же, когда её не стало, горе и жажда мести затянули его на самое дно. Ван Цзин навещал его в Чжуцзюане, предлагая перебраться в Лочэн — заслуги Цайхуа давали им с дочерью право на спокойную жизнь.

Но Цзэн Цюнь лишь спросил:

— Ты сможешь отомстить за Сяо Хуа?

Ван Цзин не нашел ответа. Тогда Цзэн Цюнь вытер слезы и усмехнулся:

— Уходи. Я больше не хочу иметь ничего общего с легавыми. Если ты не отомстишь, я сделаю это сам.

Позже Ван Цзин узнал, что Цзэн Цюнь пил и играл, но дочь, Цзэн Янь, вырастил здоровой и упитанной. Со временем Ван Цзин перестал их беспокоить, погрузившись в новые задачи в Лочэне. Элитная группа стала мобильной группой, Яфу расцвел, а сам он постарел. До выхода на пенсию он пытался найти Чжу Линцзюань, но безуспешно. Лишь теперь он узнал, что Цзэн Цюнь умер от болезни десять лет назад.

Слушая этот рассказ, Мин Хань был потрясен. Разрозненные детали соединялись. Прежний образ Цзэн Цюня осыпался, обнажая правду. Ни Мин Хань, ни Чэнь Чжэн и подумать не могли, что этот человек был агентом по борьбе с наркотиками. Сяо Хуа, мать его дочери, не бросала их — она была его единственной любовью, героически погибшей от рук бандитов.

Ван Цзин достал из конверта пожелтевшее фото:

— Вот, это Сяо Хуа и Цзэн Цюнь в самом начале. Они не расписывались, но угостили меня обедом, сказав, что это их свадьба, и попросили быть свидетелем.

На фото красивая девушка сияла улыбкой. Мин Хань вспомнил снимки старшеклассницы Цзэн Янь — сходство было, но в дочери не было материнского света, лишь угрюмость. На лице молодого Цзэн Цюня даже в улыбке сквозила какая-то дикая, пугающая энергия.

Мин Хань перевернул следующее фото и замер:

— Это?..

— Чжу Линцзюань, единственное фото, которое Цайхуа успела мне передать.

Женщина на снимке, зрелая и мягкая, была поразительно похожа на ту «Цзэн Янь», что недавно погибла!

— Дядя Ван, когда я рассказывал об исчезнувшей семье Чжу с улицы Мяопин, вы уже догадались о правде?

Ван Цзин подошел к окну, прихрамывая на старую рану:

— Цзэн Цюнь... за спиной у всех нас сам отправился мстить. Он же говорил: полиция не поможет, он сделает всё сам. Как только он узнал, где Чжу Линцзюань, он пошел ва-банк.

Мин Хань развил мысль: после смерти отца Цзэн Цюнь занялся закусками, но торговля его не волновала — он искал след убийцы. Соседи считали его никчемным бездельником, не зная, что враг был всего в трех километрах. Чжу Линцзюань, сбежав из «Хэйюн», решила начать жизнь с чистого листа в Чжуцюане — тихом месте, где её никто не знал.

— Чжэн Сянсюэ говорила, что Цзэн Цюнь украл рецепт у семьи Чжу, но всё было наоборот! Это Чжу Линцзюань использовала рецепт Цайхуа, который узнала от неё во время внедрения! Цзэн Цюнь пытался повторить вкус закусок Сяо Хуа, но у него не получалось. А когда он попробовал то, что продавала Чжу Юймо, он мгновенно узнал вкус блюд своей жены и понял — перед ним убийца.

Правду уже не доказать, но для Цзэн Цюня выбор был очевиден: она должна была умереть.

Но прежде чем убить её, Цзэн Цюнь наверняка вел с ней долгую игру, заставив передать ему секрет тех самых закусок. Каково ему было есть блюда, приготовленные собственными руками, и вспоминать Сяо Хуа, которая уже никогда не вернется?

Хотя в банде Чжу Линцзюань была влиятельной фигурой, лишившись покровительства преступников, она превратилась в обычную мать с ребенком на руках. Цзэн Цюнь мог легко расправиться с ней, но по какой-то причине дочь Чжу Линцзюань тогда выжила. Сбросив груз мести, Цзэн Цюнь начал честно вести дела, подражая тому, как когда-то торговала Сяо Хуа.

Однако десять лет назад, когда он уже был тяжело болен, дочь Чжу Линцзюань заняла место Цзэн Янь. И документы из школы забирал лично Цзэн Цюнь.

— Дядя Ван, вот этого я и не могу понять, — прервал рассказ Мин Хань.

Ван Цзин снова взял фото Чжу Линцзюань. Сравнив его со снимками погибшей «Цзэн Янь», он подтвердил догадку Мин Ханя: эта женщина была дочерью Чжу Линцзюань, и её целью была месть за мать.

— Цзэн Цюня запугали, — медленно произнес старик. — Он был смертельно болен, и их с Сяо Хуа дочь оставалась его единственной ниточкой в этом мире. Эта особа наверняка угрожала ему расправой над Цзэн Янь. Если бы он не сделал то, что велено, девочка бы погибла.

Мин Хань задумался: Цзэн Цюнь был уже не тот, что раньше. Подобно тому как беззащитна была Чжу Линцзюань без своих покровителей, так и немощный старик не мог противостоять молодой и сильной дочери своего врага.

— Его обманули. Измученный болезнью разум не мог мыслить ясно. Он верил: стоит забрать документы из школы, и он увидит дочь. Но как только формальности были улажены, всё оказалось в руках Чжу Цяньцян. — Ван Цзин, словно видя перед собой прикованного к постели Цзэн Цюня, безнадежно покачал головой. — О настоящей Цзэн Янь больше ничего не слышно, верно?

— Да, — ответил Мин Хань. — Судя по уликам, Чжу Цяньцянью убила её тогда же. Как только Цзэн Цюнь подписал бумаги, она заняла место его дочери и была ею до тех пор... пока её саму не убил новый мститель.

Этим мстителем была У Ляньшань. Ранее у полиции не было четкого мотива, а те, что приводил У Е, казались притянутыми за уши. Теперь всё встало на свои места: родители У Ляньшань погибли по вине наркоторговцев, а Чжу Линцзюань была ключевым членом той самой банды. Но возник новый вопрос: откуда У Ляньшань узнала, что «Цзэн Янь» — дочь Чжу Линцзюань? Ведь она никогда не видела саму Чжу. К тому же, она могла быть единственной, кто знал, как на самом деле погибла настоящая Цзэн Янь.

— Я хочу взглянуть на фото с места убийства Чжу Цяньцянью, — попросил Ван Цзин.

Мин Хань нашел в телефоне детальные снимки с медэкспертизы. Ван Цзин долго их изучал, а затем указал на родимое пятно на задней стороне шеи:

— Это...

Мин Хань присмотрелся: пятно в форме веера, потемневшее из-за того, что в него была воткнута бамбуковая шпажка.

— Вы что-то вспомнили, дядя Ван?

— В отчетах, что присылала Сяо Хуа, говорилось, что у Чжу Линцзюань было точно такое же пятно.

Мин Хань поспешил обратно в Чжуцзюань. Ван Цзин проводил его до машины и протянул конверт с фотографиями:

— Когда раскроешь дело, дай знать. Я схожу к ним на могилу, помяну старых друзей.

Мин Хань нажал на газ, но перед самым выездом из города притормозил, переснял фото и отправил их Чэнь Чжэну, тут же набрав его номер. Тот, узнав, что Цзэн Цюнь и Сяо Хуа были осведомителями, был поражен не меньше коллеги. Тогда в жилом комплексе «Фэншу» Чэнь Чжэн первым заметил шпажку, воткнутую именно в «веер» на шее, но при разрозненных уликах никто не мог понять значения этого жеста. Теперь стало ясно: это означало вековую, выстраданную ненависть.

— У нас всё еще нет прямых улик против У Ляньшань, — сказал Мин Хань, попивая кофе у машины. — Если У Е не заговорит, она может всё отрицать, несмотря на нашу логическую цепочку. А У Е словно под гипнозом.

Чэнь Чжэн помолчал.

— Знаешь, меня всё время задевает одна деталь в поведении У Е. Он очень быстро во всем сознался, но перед тем как признаться в убийствах У Цзюньцянью, «Цзэн Янь» и Чжао Шуйхэ, он заявил, что убил своего отца. Ты не видел его лица в тот момент. Он описывал домашнее насилие, избиения матери и сестры с таким надрывом... Это казалось лишним. Я проверил его семью: мы даже не спрашивали о его детстве, нам нужны были только эти три трупа, но он сам, четко и ясно, выложил всё о смерти отца.

— Лишним... — тихо повторил Мин Хань.

— Именно. Я долго думал об этом и понял: он не просто объяснял свою жестокость. Он подчеркивал — та мразь погибла именно от его рук.

— Он кого-то защищает, — догадался Мин Хань.

— Свою сестру, У Тао, — подтвердил Чэнь Чжэн. — Скорее всего, это она расправилась с отцом, У Е был слишком мал. Полиция тогда подозревала её, но не нашла доказательств. Сейчас У Е понимает, что ему не отвертеться, и решил взять на себя и тот старый грех.

— Неважно, признается он в новых убийствах или нет, — подытожил Мин Хань. — Важно, что сестра — его слабое место.

— Точно! У Ляньшань промыла ему мозги, но в его сердце есть человек с огромным весом. У нас есть шанс.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я сейчас возвращался? — усмехнулся Мин Хань.

— У Тао сейчас в Жунсяне. Навести её.

В отделении полиции района Бэйе У Е после признания хранил полное молчание. У Ляньшань, как свидетель, не раз проходила допросы, подчеркивая, что ничего не знала о делах У Е, и сокрушалась:

— В том, что случилось с Цзэн Янь и остальными, есть и моя вина — ведь если бы не я, У Е бы их не встретил.

— Пойдемте со мной в одно место, — пригласил её Чэнь Чжэн.

— Куда мы едем, детектив? — кротко спросила она.

Чэнь Чжэн остановил машину у лапшичной старика Иня.

— Дядя Инь, две порции лапши с говядиной.

— Я уже обедала, — замялась У Ляньшань.

— Одну порцию сделайте маленькую, побольше зелени, — крикнул Чэнь Чжэн внутрь и повернулся к спутнице: — Немного ведь не помешает?

Инь Гаоцян выглянул на улицу:

— Опять с коллегой?

— Нет, помните, я говорил — это внучка бабушки У. Эти подушки на сиденьях из их дома.

У Ляньшань опустила взгляд на подушки, её брови едва заметно дрогнули. Старик Инь так и прилип к ней взглядом:

— Неужели? Сколько лет прошло! Бабушка тебя еще маленькой приводила. Как она, здорова?

У Ляньшань подняла голову с дежурной улыбкой:

— Всё хорошо, спасибо, дядя.

Когда принесли лапшу, Чэнь Чжэн заботливо подложил под У Ляньшань подушечку.

— И кто же принес их дяде Иню? Настоящая судьба, не находите?

У Ляньшань медленно ковыряла палочками зелень.

— Да... надо поблагодарить этого человека за поддержку нашего семейного ремесла.

Когда Чэнь Чжэн закончил есть, та едва притронулась к еде. Старик Инь расстроился:

— Неужели не вкусно?

— Нет-нет, очень вкусно! — поспешила заверить она.

Расплатившись, Чэнь Чжэн бросил старику:

— Дядя Инь, если вспомните, кто принес подушки — обязательно скажите. Для дела очень важно.

У Ляньшань, стоявшая спиной, незаметно прикусила губу.

— Пойдем, — Чэнь Чжэн прошел мимо неё.

Она думала, что они возвращаются, но детектив свернул в узкий переулок. За десять лет магазины здесь изменились, но товары для школьников остались прежними.

— Вы ведь бывали здесь раньше?

— Да, мы с бабушкой всегда проходили тут, когда возвращались с рынка.

— Я имею в виду — с кем-то еще. Например, с новой подругой из второй школы.

Грудь У Ляньшань стала часто вздыматься.

— Ученицы? Я разговаривала со многими, им нравились бабушкины плетеные шнурки.

— А Цзэн Янь? Та, настоящая. Вы ведь знаете, что нынешняя «Цзэн Янь» — совсем другой человек.

У Ляньшань уставилась на дерево в стороне:

— Ну... вы сами мне это сказали.

— Но учитывая ваши отношения с прежней Цзэн Янь, вы должны были с первого взгляда понять, что перед вами самозванка, — в упор произнес Чэнь Чжэн. — Вам не нужны были мои объяснения.

Взгляд У Ляньшань мгновенно стал колючим и настороженным.

— Знаете, зачем я привел вас сюда? Здесь свидетели видели вас с Цзэн Янь. С той, ради которой вы прогуливали уроки, пока бабушка одна стояла у лотка. Вы встречались здесь и ехали на автобусе в центр города.

У Ляньшань сжалась, словно хищница перед прыжком.

— Тот свидетель помнит, как вы подарили ей зеленый кулон. Цзэн Янь его очень любила и часто надевала на встречи с местными бандами.

Она непроизвольно качнула головой.

— Я был поражен, — продолжал Чэнь Чжэн. — Если вы были так близки, как вы могли через десять лет познакомиться с «другой» Цзэн Янь на танцах и не удивиться? Услышать имя, адрес, школу... и просто стать подругами, изливая ей душу? Единственное объяснение — вы воспользовались тем, что фальшивая Цзэн Янь уже не может говорить, и выдумали историю знакомства. Вам нужно было скрыть, что вы знали настоящую Цзэн Янь и давно раскусили подделку.

— Я их не знаю! Кто ваш свидетель? Я хочу видеть его! — выкрикнула она.

— Не спешите. Мне тут кое-что еще передали... Посмотрите.

Он развернул к ней экран телефона. Зрачки У Ляньшань бешено сузились.

— Я знаю, кто такая поддельная Цзэн Янь. Её мать была наркоторговкой по имени Чжу Линцзюань. Какое совпадение — она работала в банде «Хэйюн», той самой, что убила ваших родителей.

У Ляньшань схватилась за ствол дерева, отвернулась, и её сотряс мучительный приступ рвоты.

<http://bllate.org/book/17170/1618004>